

УДК [930.1(09):304.3] (571.6)

Ковалевская Ю.Н.

Практики выживания населения в условиях рыночных реформ 1990-х гг.: проблемы изучения

Survival practices of population in the period of market reforms of 1990:
theoretical approaches to researching

В статье проанализирован макросоциальный контекст неолиберальных реформ и их последствий для Дальнего Востока. Выявлены возможности и недостатки различных подходов к изучению практик выживания населения в этот период.

Ключевые слова: *Дальний Восток, неолиберализм, реформы 1990-х гг., социальный кризис, практики выживания*

The article deals with macro-social context of neoliberal reforms and its consequences. Merits and demerits of different theoretical approaches to researching the survival practices are described.

Key words: *Far East, neoliberalism, reforms of 1990, social problems, survival practices*

Проблема адаптации населения к рыночным реформам получила отражение в публикациях политологов, экономистов, социологов и некоторых историков, так что вначале создаётся впечатление, что по этой теме всё уже написано. Однако внимательный анализ публикаций выявляет огромные незакрытые лакуны, которые ожидают своего исследователя.

Прежде всего, российские исследователи рыночных реформ и их социальных последствий обычно ограничиваются отечественным материалом (в том числе региональным). Между тем характер трансформации, пережитой российским народом, раскрывается только в широком международном контексте, уже изученном зарубежными исследователями в рамках критики неолиберализма.

Российские «младореформаторы» опирались на вполне наработанный опыт, и их утверждения, что они «хотели как лучше, а получилось как всегда» были не совсем искренни. Получили они ровно то, что до них уже получили неолиберальные реформаторы в Чили, Мексике, Бразилии, Аргентине, Польше, Новой Зеландии и др. странах. Общий характер этих реформ был везде одинаков: под предлогом низкой эффективности

экономики «социального государства» под руководством МВФ проводилась приватизация, монетаризация, отмена местного протекционизма, сокращение всех социальных выплат (в том числе на образование, здравоохранение, коммунальные службы). И результат этих реформ также был везде один и тот же: демодернизация экономики, падение уровня жизни большинства населения, разрушение инфраструктуры городских и сельских поселений, появление крайне узкой сверхбогатой элиты.

По словам П. Бурдьё: «...деиндустриализация, рост неравенства и ослабление социальной политики являются следствием внутривнутриполитических решений, которые отражают изменение баланса сил в пользу владельцев капитала» [1, с. 92]. Странники неоллиберальных революций «...под разговоры о модернизации стремятся переделать мир, отменив социальные и экономические завоевания целого столетия социальной борьбы» [1, с. 88].

После неоллиберального реформирования Мексики в 1988–1992 гг. около 20 мексиканцев вошли в «Список самых богатых людей мира», в то время как среди простого населения усилилась бедность, безработица и нищета. Система здравоохранения ухудшилась, коммунальные службы не работают, города завалены мусором, воду из крана пить нельзя [10, с. 123]. В городах возникают закрытые богатые кварталы, которые охраняются за счёт муниципалитета, и бедные районы, где царят грязь, разруха, преступность. Даже в Нью-Йорке за пределами Манхэттена неоллиберализация 1980-х гг. сопровождалась огромной волной преступности и заболеваний, что уж там говорить о Сантьяго или Сан-Пауло [10, с. 124]. И как тут не вспомнить «бурные 90-е» во Владивостоке, Южно-Сахалинске и, тем более, в мелких городах Дальнего Востока с их горами мусора, отсутствием света и воды и диким ростом криминала.

Неоллиберализм разрушает социальные системы не только своих бывших врагов, какими были страны советского лагеря для США и государств НАТО, но не щадит и «друзей». В начале 1990-х гг. Новая Зеландия, проиграв в конкуренции с азиатскими рынками с дешёвой рабочей силой, обратилась к политике приватизации, выразившейся в поспешной распродаже национальных активов в надежде привлечь новые инвестиции. При этом муниципалитеты пытались продать общественные школы их собственным попечительским советам [6, с. 34]! До этого даже российские власти не додумались (пока).

В странах Центральной Европы, которые подвергли «шоковой терапии» налицо та же картина. Даже сами неоллиберальные эксперты не могут не видеть «объективных» последствий своей деятельности. Так, Иван Крастев, председатель Центра либеральных стратегий в Софии (Болгария) пишет: «Посткоммунистическим обществам удалось мирно преобразовать коммунистическую систему, построить демократические и рыночные институты, создать экономическое благосостояние и, наконец, войти в состав Европейского Союза. В то же время переход привёл к быстрой социальной стратификации, серьёзно ухудшив положение многих и возвысив немногих. Многие жизни были поломаны, многие надежды преданы во время перехода. К концу 1990-х гг. типичным самоубийцей в Польше был не подросток, переживающий экзистенциальный кризис, а женатый мужчина около сорока, живущий в одном из бесчисленных городков или сёл, где банкротства государственных предприятий и ферм в сочетании с крахом старой системы социального обеспечения вызвали особенно острое отчаяние» [3, с. 84].

Характерно, что И. Крастев, как и другие неоллибералы винит в социальной катастрофе 1990-х «переход» как нечто объективное, что-то вроде весеннего паводка. Этот подход свойственен не только ему, но практически всем исследователям, работающим в парадигме транзито-

логии.

К ним относится большинство исследователей, которые изучают стратегии адаптации различных групп российского населения к рыночным реформам. Условия жизни эпохи перемен являются для них «внешней средой», к которой нужно приспособиться [11, с. 70-71]. Человек, в сущности, уподобляется «живому организму». При этом от внимания аналитиков (и читателей) как-то ускользает тот факт, что если речь идёт об «обанкротившихся государственных предприятиях и фермах», то у этой «внешней среды» обычно есть не только имя и фамилия, но и солидный счёт в банке (где-нибудь в оффшорах), а также определённая статья в Уголовном кодексе, которая соответствует масштабам их деяний.

При изучении стратегий адаптации доминирует количественный подход – степень приспособленности определяется по денежному доходу человека. Например, Н. Римашевская выделяет три категории адаптации населения в условиях рынка: «фавориты» – самые богатые (20% населения); «в ожидании» (55% населения); «аутсайдеры» (25% населения) [7]. Эти результаты получены в результате социологического опроса, но, в сущности, такие опросы носят имитационный характер, их результаты предопределены и не носят существенной связи с реальностью. В любом обществе есть свои «фавориты» и «аутсайдеры», однако качественные характеристики «бедности» и «богатства» разительно различаются. Специфика России 1990 гг. – бедность работающих людей, имеющих высокий уровень образования и социально ответственное поведение.

Социологи вообще грешат подсчётом количественных параметров социальных явлений, которые они не считают необходимым определять качественно. Так, у той же Н. Римашевской подсчитывается процентное соотношение «устойчивой», «плавающей» и «новой» бедности, но определения этих категорий очень поверхностно и далеко от социальной реальности. То же можно сказать об анализе стратегий трудового поведения, которые определяются как «мобильная», «ориентационная» и «пассивная» [8]. Попробуйте найти в этой статистической сетке место для себя или своих знакомых – это очень сложно.

Возможно, что к социологам вообще неприменимы те требования, которые предъявляет к ним историк, надеясь найти материал для своих исследований. И всё-таки хочется сказать, что результаты, полученные в результате применения таких обширных, методологически изощрённых и затратных исследований, снабжённых к тому же наукообразной терминологией, выглядят очень обескураживающе.

А.Л. Темницкий в труде «Рабочие реформируемой России как объект социальных исследований» выявляет следующие стратегии адаптации рабочих к рынку: 1. Новаторская; 2. Смешанная; 3. Традиционная; 4. Пассивная [9]. Казалось бы, за этими категориями должно быть скрыто подробное, глубокое и тонкое описание разнообразных жизненных стратегий, которые люди использовали в эти трудные времена. Однако всё оказалось куда проще: новаторская стратегия – это вторичная занятость; традиционная – работа на даче или огороде; смешанная – совмещение первой и второй, а пассивная – отсутствие и дополнительной работы, и дачи. А ведь этот автор трудился с рабочими на реальном предприятии! Создаётся впечатление, что какая-то секретная инструкция запрещает социологам (как патологоанатомам) работать с живыми людьми.

На самом деле за отстранённостью и академизмом скрывается вполне определённая идеология. Неoliberalизм предполагает, что бедность – это проблема бедных. Дешёвая рабочая сила рассматривается как важное конкурентное преимущество, а снижение зарплаты – как экономическое достижение. Если рабочему не хватает одной зарплаты

– пусть ищет вторую, и упаси его Бог устраивать забастовки и бороться за свои права. Пусть дача и огород помогают многим семьям выжить – неолибералы это не приветствуют. Сознательный пролетарий покупает продукты в супермаркете, способствуя развитию рынка и обогащая владельцев торговых сетей.

Несмотря на господствующую парадигму, социологи внесли заметный вклад в изучение темы социальной адаптации населения в период рыночных реформ. Многие из них воспринимали изучение переходного периода и его социальных последствий как свой гражданский долг. Они пытались привлечь внимание общества и правительства на рост негативных процессов: демодернизации, депопуляции, преступности, социального расслоения, снижения качества образования и т.д. Российские социологические центры – Центр исследования общественного мнения, Левада-центр и др. проводили непрерывные мониторинги различных социальных процессов, собрали и опубликовали уникальные массивы данных. Ценные материалы для изучения различных аспектов жизненных стратегий россиян содержит «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ)», проводившийся в 1994 – 2002 гг. [8, с. 153-172]. Результаты этого мониторинга использованы П.М. Козыревой в книге «Процессы адаптации и эволюция социального самочувствия россиян на рубеже XX – XXI вв.» [2].

Социальные последствия неолиберальных реформ нашли яркое отражение в демографии и статистике. Если статистика советского периода делала акцент на успехах и достижениях, то материалы Госкомстата и его местных отделений в 1990-е гг. получили возможность отражать реальные процессы, и эти сухие цифры порой говорят громче самых экстремальных политических воззваний. Анализ данных демографии и статистики позволяет воссоздать основные характеристики социокультурной среды, в которой происходила адаптация населения к рыночным реформам, а также её результаты.

Статистика отражает деградацию всех сторон повседневной жизни и качества жизни большинства населения. К 1999 г. численность обеспеченных слоёв сократилась до 20-25 млн. чел. Расширилась «зона бедности», в положении малообеспеченных возникли существенно новые негативные моменты.

В результате падения реальных доходов за чертой прожиточного минимума оказалась половина населения, число бедных достигло 70-75 млн., из них на грани нищеты оказалось около 20 млн. чел. Одновременно с расширением масштабов бедности произошёл ряд существенных изменений в экономическом положении малообеспеченных.

Само потребление всё больше стало приобретать черты натурального за счёт собственного интенсивного производства. Доля натуральных поступлений в располагаемых ресурсах малообеспеченного населения остаётся очень значимой (13% в 1997, 14,3% – в 2000 г.).

Масштабы распространения бедности и экономическое положение бедного населения ведут к формированию новой социальной ситуации в России. Огромная масса оказалась, по сути, отсечённой от качественных социальных услуг, определяющих воспроизводство «человеческого капитала». Возникает хорошо известный феномен застойной бедности, когда бедное население лишено доступа к качественным социальным благам (здравоохранению, образованию, культуре), а без такого доступа не имеет реальной возможности преодолеть бедность. Эта ситуация не только деформирует трудовые мотивации и стимулы предприимчивости, но и формирует питательную среду для взрывного распространения девиантного поведения (преступность, наркомания и др.)

Существенно сократился и другой фактор устойчивости – государ-

ственная социальная поддержка. Уменьшение ресурсов для финансирования непроцентных расходов консолидированного бюджета обусловило снижение его социальных расходов (на образование, здравоохранение, культуру, социальную политику) – в реальном выражении на 15% за один год (1998–1999). Доля социальных расходов бюджета в ВВП упала с 9-11% в 1996–1998 гг. до 7% в 1999.

В результате одновременно с падением реальных доходов сузилась и государственная социальная поддержка населения. Кризис государственных финансов актуализирует проблему переноса бремени финансирования социальной инфраструктуры на само население, что существенно сказывается на уровне жизни [5].

Результаты подобной экономики и политики немедленно нашли отражение в масштабном демографическом кризисе. В 1990-е гг. по большинству демографических показателей Россия откатилась на уровень слаборазвитых стран, причём Дальний Восток стал одним из самых неблагополучных регионов страны.

Прежде всего, социальный кризис привёл к резкому сокращению рождаемости. Реальность жизни была такова, что если женщина работает – детей рожать некогда, а если не работает – не на что. В государственном (бюджетном) секторе экономики зарплаты были низкими, выплачивались нерегулярно, сотрудников сокращали и отправляли в неоплачиваемые отпуска. Государственные пособия на детей были смехотворно малы и не выплачивались годами. Возникли целые сферы занятости в рыночном секторе, где не действовали никакие социальные гарантии – не было отпусков (в том числе по уходу за детьми), больничных, пособий на детей и т.п. Зарботки мужчин также были нестабильны, росла безработица, работа «вахтовым методом» и вторичная занятость разрушали семьи.

Кроме того, тяжёлая экономическая ситуация наложила на долговременный процесс второго демографического перехода – свойственное всем западным странам смещение приоритетов с семейных ценностей на гедонистические [4, с. 44].

За десятилетие 1989–1999 гг. рождаемость сократилась в России со 195 детей на 1000 женщин до 117,1, на Дальнем Востоке – с 208 до 118,4. Для простого воспроизводства родительских поколений необходимо рожать 215 детей на 1000 женщин, т.е. на 38% больше [4, с. 45].

Политическая и экономическая нестабильность периода реформ привела и к кризису семейных отношений. Выросло количество разводов и число детей, рождённых вне брака. В 1990 г. доля внебрачных детей от общего числа родившихся составляла на Дальнем Востоке 18,4%, в 1995 – 29,0 %, в 1997 – 34,6%, в 2003 – 39%. В 2001 г. этот показатель в городской местности составлял 37,6% (в РФ – 27,8) , в сельской – 42% (в РФ – 31,0). Это самые высокие показатели среди федеральных округов России [4, с. 51].

В советский период население региона было сравнительно молодым и отличалось низким уровнем смертности. Однако с середины 1980-х гг. смертность населения на Дальнем Востоке стала расти темпами, опережающими аналогичные показатели по России. С 1993 г. смертность стала превышать рождаемость. В 1993 – 2003 гг. смертность в России выросла на 13,1%, а на Дальнем Востоке – на 26,3% [4, с. 53]. Рост смертности на фоне падения рождаемости представляет собой концентрированное выражение деградации общества. Если на рубеже 1990-х гг. по смертности Россия находилась на средневропейском уровне (11,2 %), а на Дальнем Востоке даже ниже (8,2 %), то в 2003 г. (РФ – 16,4 %; ДВ – 14,9 %) [4, с. 54].

Демографический кризис характеризовался также крайне неблагоприятно

гоприятной тенденцией – ростом смертности в трудоспособных возрастах на 52%. Главной причиной было увеличение сердечно-сосудистых заболеваний, травм и отравлений, в том числе некачественным алкоголем. Возросло также число убийств и самоубийств [4, с. 58].

Несмотря на статистику, адекватно отражающую демографический кризис, на регулярные публикации учёных и СМИ под кричащими заголовками «Демографическая катастрофа», «Демографический крест России» и т.п. правительство не обращало внимания на эти проблемы, сокращало социальные расходы и активно продолжало неолиберальные реформы вплоть до начала 2000-х гг.

Если макросоциология, демография и статистика позволяют воспроизвести широкий контекст адаптации людей к реформам 1990-х гг., то изучение собственно практик выживания населения требует применения антропологических и микроисторических методов. Главная проблема при этом – недостаток источников. Для современной антропологии и истории повседневности необходимо привлечение источников личного характера – дневников, писем, мемуаров «обыденных деятелей». Источники личного характера применительно к изучаемой теме не только позволяют уточнить или дополнить официальные данные – они раскрывают совершенно иную реальность. Именно поэтому работы, опирающиеся на неолиберальную парадигму и официальные источники, описывают рыночные реформы как «триумфальное шествие капитализма», а люди, жившие в то время, в неформальных интервью часто не находят для них цензурных слов.

Поиск источников затрудняет тот факт, что 1990-е – это недавнее прошлое, причём для многих это период болезненных переживаний, которые люди не спешат выносить на показ. Мемуары об этом времени ещё не всеми написаны и задача историка – побудить их это сделать, собрать интервью и «жизненные истории», документы из личных архивов. Кроме того, в руках историка недавнего прошлого есть ресурс, недоступный традиционному историку – мы сами жили и выживали в это время и, следовательно, можем ссылаться на опыт «включённого наблюдения».

Литература

1. Бурдые П., Вакан Л. Неолиберальный новояз: Заметки о новом планетарном жаргоне // Прогнозис. 2007. № 3 (11). С. 88-94.
2. Козырева П.М.. Процессы адаптации и эволюция социального самочувствия россиян на рубеже XX–XXI вв. М., 2004. 320 с.
3. Крастев И. Странная смерть либеральной Центральной Европы // Прогнозис. 2007. № 3 (11). С. 79-87.
4. Сваффорд М., Косолапов М.С., Козырева П.М. Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ): измерение благосостояния россиян в 90-е годы. // Мир России. 1999. Т. VIII. № 3. С. 153-172.
5. Мотрич Е.Л. Население Дальнего Востока России. Владивосток–Хабаровск, 2006. 224 с.
6. Поляков И. Как изменяется российская модель благосостояния // Демоскоп Weekly. 17–30 декабря 2001 г. № 47-48. [Электронный ресурс]. URL: <http://demoscope.ru/weekly/047/tema01.php> [Дата обращения 20.11.2011 г.]

7. Поукок Д. Деконструкция Европы // Прогнозис. 2007. № 3 (11). С. 33-52.
8. Римашевская Н. Либерализм и социальные гарантии в условиях переходной экономики // Проблемы теории и практики управления. 1999. № 1. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.uptp.ru/content> [Дата обращения 20.11.2011 г.]
9. Темницкий А.Л. Рабочие реформируемой России как объект социологических исследований // Мир России. 2006. № 2. С. 79-107.
10. Харви Д. Неолиберализм в большом городе // Прогнозис. 2007. № 3 (11), с. 11-124.
11. Шишкин В.И. Проблемы социальной адаптации населения России: историографические итоги и перспективы изучения // Гуманитарные науки в Сибири. 2010. № 4. С. 69-73.